

Глава 58. Ночная охота в старшей школе

Нин Чжунь молча сидел на диване, не проронив ни слова.

Ли Цзяньчуань вошел в комнату, волоча за собой Чжоу Мушэна. Бросив того в угол точно ненужный тюк, он достал две последние сигареты, прихваченные из кабинета заместителя директора, прикурил и одну протянул Сун Яньтину.

— Мягкий «Чжунхуа»?

Сун Яньтин принял угощение, привычно прищурился от дыма и усмехнулся:

— Стащил у этого старого куска дерьма? Только он во всей школе курит такие. А еще он обожает тушить окурки о чужую кожу.

— Вчера мы получили доступ к правам заместителя директора, а утром наведались в его кабинет. В обновленной базе данных учебной части нашлось кое-что любопытное.

Ли Цзяньчуань опустился на пол рядом с диваном. Напряженные мышцы плеч наконец расслабились; он привалился к ногам Нин Чжуна и, спокойно зажав сигарету в зубах, выудил из кармана несколько сложенных листков. Он легонько постучал ими по колену напарника.

Нин Чжунь приподнял бровь и, шутливо толкнув его ногой, произнес:

— Вакуумное время.

Черно-белый мир мгновенно поглотил реальность.

Звуки и краски увяли, погрузившись в абсолютное безмолвие. Лишь вещи, сорвавшиеся с тел Ли Цзяньчуаня и Нин Чжуна, медленно поплыли в воздухе, застыв в невесомости.

— Кажется, я уже видел нечто подобное, — Сун Яньтин замер на месте, но в его глазах отразилось странное любопытство, смешанное с замешательством. — Могу предположить, что вы вовсе не те Нин Фэйжань и Пэй Юйчуань, за которых себя выдаете. Этот монохромный мир наверняка возникал в моей памяти не раз, но я почему-то ничего не помню.

Он заинтересованно улынулся:

— Возможно, до вас здесь уже бывали такие же люди?

Впрочем, он не стал допытываться, лишь поджал губы:

— Неизвестность всегда притягивает.

Наблюдая за реакцией Сун Яньтина, Ли Цзяньчуань ощутил, как в душе рождаются сотни новых вопросов.

Слишком высокая сложность в «День лавины», игроки, сплошь владеющие магическими ящиками, «Наблюдатели», чье сознание разделено между реальностью и игрой, а теперь еще и слова Сун Яньтина о проблемах с памятью и временем...

Ли Цзяньчуань смутно чувствовал: сама природа игры «Пандора» может оказаться совсем не такой, какой он её себе представлял вначале.

Но сейчас было не время для раздумий.

Он затаился, и его голос зазвучал низко, окутанный сизым дымом:

— Ты очень тщательно зачищал следы. Особенно для мира, где ты — главный герой. Это бросалось в глаза. Именно потому, что ты вытравил всё, что касалось Тин Яньнянь, мы и догадались, что за всем этим стоишь ты.

Сун Яньтин чуть склонил голову, выражая готовность слушать.

— Мои подозрения развивались в три этапа, — продолжил Ли Цзяньчуань.

Сигарета мешала говорить, делая его голос глуховатым:

— Сначала я думал, что ты мстишь сам за себя. Причины были на поверхности: странная реакция Цзян Юаня при упоминании твоего имени, кроссовки в душевой мужского общежития, твои вечные тяжбы с Гао Яном, неясный силуэт на качелях, который я увидел на второй день... У людей хорошо развита способность выстраивать логические цепочки. Сложив вместе частную школу, пропасть между бедными и богатыми и жестокость подростков, легко прийти к выводу о школьной травле.

«Бедный ученик, подвергшийся изощренным издевательствам».

«Доведенный до предела, он активирует Магический ящик, превращается в монстра и обретает сверхчеловеческие силы. А затем начинает свою кровавую жатву».

— Это была логичная, напрашивающаяся сама собой версия, — он поднял взгляд. — И это был первый слой, который ты подставил под наши глаза.

Тонкая струйка дыма неспешно поднималась к потолку.

Сун Яньтин жадно вдыхал едкий аромат никотина и улыбался:

— И когда же наступил второй этап? Когда вы заподозрили Чжоу Мушэна?

— В тот момент, когда в руки попал рецептурный бланк, — ответил Ли Цзяньчуань.

Сун Яньтин негромко рассмеялся, явно не ожидая такого ответа.

— Возможно, это случилось чуть раньше, чем ты планировал, — Ли Цзяньчуань мельком взглянул на него. — По твоему сценарию кто-то из нас должен был вытянуть сведения о враче из Цзян Юаня или Лян Гуаня. Услышав теорию о «мести Чжоу Мушэна», мы должны были испытать озарение.

«Так вот почему с Сун Яньтином было что-то не так! Он не монстр и не кукловод, он лишь прикрытие для настоящего игрока — школьного врача».

— Человеческий разум привык двигаться только вперед. Как только мы переключили внимание с тебя на «теневого лидера» Чжоу Мушэна, мы перестали оглядываться назад и сомневаться в твоей роли. Тем более что в этот момент ты предстал перед нами как живой, уязвимый человек. Это подтвердило наши догадки: ты — жертва, а нам нужно тратить время на поиски связи между тобой и врачом, выискивать следы вашей «сделки»... Пойди мы по этому пути, мы бы окончательно зашли в тупик.

Голос Ли Цзяньчуаня на мгновение стал хриплым.

Сун Яньтин безразлично пожал плечами:

— Я просто не хотел, чтобы кто-то путался под ногами, пока я не закончу. Значит, вы снова заподозрили меня сразу после нашей встречи? Или когда расшифровали список Чжан Мэнчао?

— Сразу, как увидели тебя, — отрезал Ли Цзяньчуань. — Когда всплыло имя Тин Яньянь, сомнения усилились. А когда утром мы повторно запросили через систему управления все данные на тебя и на созвучное имя девушки, подозрение превратилось в уверенность.

Он на мгновение замолчал, подбирая слова.

— Ты очень бережно оберегал Тин Яньянь.

Голос Ли Цзяньчуаня зазвучал глухо. Ему не хотелось лишний раз тревожить память этой

девушки, но сейчас она должна была — пусть ненадолго и трагично — появиться в их разговоре.

— Разгадка этого дела была самой простой из всех, что мне встречались, но в ней не хватало ключевого звена. Того, что заставило бы все детали встать на свои места. Я нашел его, когда изучил досье Тин Яньянь.

Искры с сигареты бесшумно осыпались на пол.

— Тин Яньянь была отличницей, но из очень простой семьи. Скорее всего, она была интровертом. На фото в базе данных она даже не смотрит в камеру — скромная, застенчивая девочка, явно не знавшая зла. Твои родители хотели дать ей лучшее образование, поэтому отправили в Фэнчэн. Эта школа не просто прибежище для золотой молодежи, это престижное заведение с высочайшим процентом поступления в вузы. К тому же, судя по форме, здесь декларируют равенство, ставя знания выше статуса. Неудивительно, что ваша семья выбрала именно это место.

— Но спустя три месяца учебы, как раз перед каникулами, Тин Яньянь внезапно исчезла. Никто не знал, куда она делась. Ни учителя, ни одноклассники, ни записи с камер не дали ни единой зацепки. Человек просто испарился.

Он тяжело выдохнул дым.

— В то время ты учился в другой школе. Узнав об исчезновении сестры, ты, должно быть, был в отчаянии. Ты понимал, что бессилён, но не прекращал поиски. А потом ты наткнулся на тайны Фэнчэн. Во втором семестре ты подготовился: сменил имя и перевелся сюда.

— Если рассуждать от противного, то исчезновение Тин Яньянь напрямую связано с Цзян Юанем. Более того, она могла быть в него влюблена. Мы видели календарь на твоём столе: 17 марта там было нарисовано сердечко. До встречи с тобой я был уверен, что его нарисовал ты, и что именно ты влюблен в Цзян Юаня.

— Но увидев тебя, я понял, что твой характер бесконечно далек от того образа, который я себе рисовал. Ты — человек жесткого рационального склада. Твой разум настолько холоден, что чувства, будь то любовь или ненависть, кажутся в тебе притупленными. Ты не из тех парней, кто рисует милые сердечки.

— К тому же, когда ты говоришь о Цзян Юане, в твоих словах больше яда, чем нежности. Та «сладкая» улыбка, с которой ты обещал признаться ему в любви...

Ли Цзяньчуань на секунду задумался, подбирая определение:

— Она была слишком фальшивой.

— Актерское мастерство подвело, — признал Сун Яньтин. — Этот ублюдок настолько мне омерзителен, что при мысли о нем улыбка выходит кривой.

Ли Цзяньчуань понимающе кивнул.

— Продолжим. Оказавшись в школе, ты выбрал Цзян Юаня своей отправной точкой. Как ты и говорил, в его день рождения ты подарил ему Магический ящик и «признался». Думаю, к тому моменту ты уже смутно догадывался о силе этого предмета. Когда я прочитал в твоём письме фразу «Я приготовил для тебя потрясающий подарок», я заподозрил неладное.

— Если верить твоим словам о безответной любви, то подарок был сделан от чистого сердца. Но если ты уже всё спланировал? Любил ты его или ненавидел? На самом деле, ты вовсе не собирався отдавать ящик Цзян Юаню. Ты знал об их связи со школьным медпунктом и вел двойную игру.

— С одной стороны, ты подставился под удар Цзян Юаня, позволив ему пойти проторенным путем — тем самым, которым когда-то заставили идти Тин Яньянь. Ты позволил этим пятерым демонам измываться над тобой. С другой стороны, ты выбрал своей целью Чжоу Мушэна и соблазнил его.

— Чжоу Мушэн не невиновен. В этой школе нет невинных. Но в отличие от остальных, он, хоть и был сторонним наблюдателем и соучастником, иногда тайком лечил замученных детей. Ты увидел в нем эту внутреннюю борьбу.

— Он жалел учеников, но при этом погряз в собственных размышлениях о человеческой природе. И ты, и он — вы оба знали: его пассивность вовсе не была признаком бессилия. Он просто подавлял в себе такую же жестокость, какая была в его мучителях.

— Ты сблизился с ним, втерся в доверие и выпустил на волю его внутренних демонов. Между вами была связь. И хотя записи камер по большей части — подделка и игра ракурсов, те моменты, где был ты, казались настоящими.

— Когда 17 марта тебя избили, ты подал заявление в полицию. Доказательств не нашлось, и все решили, что тебе не по зубам эти пятеро вундеркиндов. Ты не выказал подозрений, продолжал играть роль отчаявшейся жертвы и снова обратился к властям. Будь ты наивным и честным парнем, я бы поверил, что ты просто даешь полиции второй шанс.

— Но ты не такой человек. Второе заявление было нужно, чтобы взбесить Чжан Мэнчао и подтолкнуть Чжоу Мушэна. Как я уже говорил, врач — натура сложная. Он трус. Но даже самый последний трус, если его как следует прижать и раздражить, способен на один решительный поступок.

— Всё пошло по твоему плану. Гао Ян обвинил тебя в клевете, Хо Сунмин сфабриковал улики, Чжан Мэнчао подкупил всех, кого смог. Ты остался один, тебе грозила тюрьма, и тут у Чжоу

Мушэна внезапно проснулась совесть. Он набрался храбрости и выступил в суде в твою защиту.

— Этот порыв не был случайным — ты его спроектировал. Я не знаю, что именно ты сделал с врачом, но для него ты стал кем-то особенным.

Ли Цзяньчуань мельком взглянул на Чжоу Мушэна. Тот всё так же неподвижно лежал на полу, уткнувшись лицом в грудь. При последних словах его тело едва заметно вздрогнуло.

— Твоя задумка была проста: натравить Чжоу Мушэна на пятерку Чжан Мэнчао, а их — на него. Ты знал, что они повязаны торговлей препаратами. Как ты и сказал — «собачья грызня». Но тебе нельзя было выдавать себя, иначе они бы насторожились, и всё пошло бы прахом. Поэтому ты тщательно уничтожил все ниточки, ведущие к Тин Яньянь, чтобы ни одна логическая цепочка не вывела на твой истинный мотив.

— После суда тебя оправдали, а отношения между Чжоу и золотой молодежью окончательно развалились. Чжан Мэнчао решил проучить врача: они сфабриковали доказательства того, что он растлевал учеников. Скандал прогремел на весь мир, имя Чжоу было смешано с грязью. Он был в ярости, хотел пойти на крайние меры и выложить всё, что знал о них самих. Но ты остановил его.

— Ты сказал ему, что у Цзян Юаня есть вещь, способная всё изменить. Верно, ты подтолкнул Чжоу Мушэна к краже Магического ящика. Совсем недавно я узнал: чтобы открыть ящик, нужно войти с ним в резонанс. К тому же мне подсказали, что если прервать процесс активации, развитие пойдет по иному пути. Цзян Юань так и не открыл ящик; скорее всего, он даже не взглянул на твой «нищенский» подарок. Ты это предвидел. Ты отправил Чжоу Мушэна на кражу и в тот же момент предупредил Цзян Юаня.

— Процесс пробуждения силы был прерван на середине. Чжоу Мушэн не стал полноценным монстром, он стал тем, кем ты и хотел — твоей марионеткой. Руками этого существа ты начал свою охоту.

— И целями твоей мести стали не только те пятеро, но и сам Чжоу Мушэн, и Цзян Юань, и сотни других бездушных тварей в этой школе. Ты заставил их убивать друг друга теми же способами, какими они мучили тебя и твою сестру. Коллективные мероприятия днем, фальшивые награды, записки, написанные кровью, ночная охота, порожденная насекомыми-гу...

— Ты использовал всех: и людей, и монстров. И если судить строго, ты действительно остался чист. На твоих руках нет ни капли крови.

Сигарета догорела до самого фильтра. Ли Цзяньчуань шевельнул губами, и окурочек упал рядом с ботинком Нин Чжуня.

Ли поднял голову. Нин Чжунь улыбнулся ему; его персиковые глаза за стеклами очков чуть

подмигнули — так учитель смотрит на своего лучшего ученика. Собственно, в этой игре их роли распределились именно так.

Нин Чжунь впервые уступил право вести расследование, шаг за шагом обучая напарника мыслить категориями «Пандоры» и самостоятельно находить выход. Разгадка была проста, истинной сложностью в этой партии стал интеллект и расчетливость Сун Яньтина. Это был идеальный урок.

И Ли Цзяньчуань доказал, что его хваленая обучаемость — вовсе не пустой звук.

— В этом мире нет истинного понимания и сострадания, — внезапно заговорил Сун Яньтин. — Те люди оставались безучастными, они с радостью втоптывали других в грязь ради собственного удовольствия лишь потому, что сами никогда не чувствовали чужой боли. Поэтому я, словно выходец из преисподней, затащил их в свой ад. Пусть почувствуют, каково это, когда крючья впиваются в плоть, когда огонь лижет кожу, когда на тебя обрушивается вся их собственная злоба... Мне было важно узнать: больно ли им?

— Им больно... — Сун Яньтин слабо улыбнулся. — Но Яньянь было куда больнее.

Ли Цзяньчуань промолчал. В комнате, погруженной в монохромное безмолвие, воцарилась тяжелая тишина. Спустя время Нин Чжунь слегка повернул голову и спокойно произнес:

— Твой план был великолепен. Ты безупречно стер все упоминания о Тин Яньянь. Но именно в этом и кроется твой главный просчет.

— Просчет? — Сун Яньтин удивленно поднял глаза.

— Раз твой план реализовывался столь успешно, — продолжал Нин Чжунь, — значит, у тебя были верные догадки о силе ящика. Почему же ты не открыл его сам, не использовал силу собственной ненависти, чтобы свершить месть лично? Почему ты предпочел действовать чужими руками? Одним желанием посмотреть на «собачью грызню» это не объяснить.

Он пристально посмотрел на юношу:

— Думаю, причина в том, что ты не хотел становиться чудовищем. Ты хотел остаться человеком. Хотел в этом обличье найти останки сестры и покинуть школу... чтобы забрать её домой.

Улыбка окончательно исчезла с лица Сун Яньтина. Он сбросил маску мягкости и дружелюбия, превратившись в холодный, безжизненный камень.

— Это так очевидно? — спросил он.

Нин Чжунь качнул головой:

— Я просто внимателен к деталям. К тому же мне слишком часто приходилось встречать таких, как ты. В твоём поведении было слишком много противоречий. Когда я только узнал о тебе, я сразу понял, что ты не просто «жертва». Осмотрев твою комнату, я пришел к выводу, что ты — человек, помешанный на чистоте и порядке, при этом пользующийся всеобщей симпатией и живущий в полной гармонии с соседями.

— Но эта гармония была фальшью. Когда я вошел к вам, в мусорном ведре лежали две пачки из-под лапши, от которых еще шел пар. На балконе гроздьями висели носки — очевидно, у твоих соседей была привычка копить грязное белье и стирать всё разом. Если ты такой аккуратист, как ты мог это терпеть? Ответ прост: ты заставлял себя. Ты намеренно создавал образ «своего парня». А хорошие отношения — это всегда доступ к информации. Тебе нужны были эти сведения, чтобы заложить фундамент своей мести.

При этих словах веки Сун Яньтина дрогнули. Его голос прозвучал надтреснуто:

— А Яньянь?

Нин Чжунь понял его без лишних слов. Он чуть приподнял бровь и усмехнулся:

— Тебе стоит больше доверять самому себе. Раз до сих пор никто не смог разгадать твой замысел и найти хоть какой-то след Тин Яньянь, значит, ты всё сделал правильно.

— Но вы же нашли её, — глухо отозвался он.

— Твой план был детальным, но не безупречным, — ответил Нин Чжунь. — Есть мелочи, на которые ты либо не обратил внимания, либо посчитал их несущественными. До того как ко мне попал зашифрованный список, я блуждал в потемках. Я чувствовал, что пазл не складывается, но не мог найти недостающий фрагмент. Список дал мне лишь смутную догадку, не более. Но утром права заместителя директора позволили мне подтвердить связь между тобой и этой девушкой. В графе «Прежнее имя» у тебя значилось: Тин Сун.

— Прошло несколько месяцев. В списках пропавших сотни имен. Заместитель директора, даже увидев твою фамилию, вряд ли бы сопоставил факты. А перед учителями и учениками ты, разумеется, никогда не упоминал о смене имени. Тин Сун. Тин Яньянь. Сун Яньтин. Это была решающая улика.

— Получив её, я смог найти ответы на все вопросы. Твое «спасибо» Пэй Юйчуаню, странный тон при упоминании Цзян Юаня, противоестественное сочетание ярости и ледяного спокойствия перед лицом опасности, твоё бесконечное терпение... Даже то сердечко в письме. Находясь в этой комнате и глядя на видео своего позора, ты излучал ненависть. Но в этой ненависти сквозило ледяное безразличие к самому себе. И я подумал: если ты действительно мстишь за себя, почему твои чувства кажутся отражением чужой боли? Чужого гнева? Позже

я понял: ты сначала решился на месть, а уже потом позволил причинить себе вред. И теперь я вижу, что был прав.

Сун Яньтин поднял глаза:

— А если бы ты ошибся?

Нин Чжунь нежно улыбнулся и слегка вскинул подбородок:

— Тогда я бы просто прирезал тех двоих остолопов у двери, чтобы выполнить условие о трех выживших, и завершил бы игру.

У дверей Номер Пять ощутимо побледнел, а Номер Восемь даже не шелохнулась. Сун Яньтин медленно кивнул:

— Твоя взяла.

Он помолчал и добавил:

— Почти во всём вы правы. Я пришел сюда ради Яньянь. Я видел тех полицейских, когда она пропала. И я понял: законы могут быть справедливыми, но у тех, кто ими распоряжается, сердца редко полны правосудия. Я на них не рассчитывал. Я слышал легенды о Магическом ящике, и моей целью с самого начала было превратить Чжоу Мушэна в свою куклу.

— Пэй Юйчуань когда-то защитил Яньянь от брошенного чайника с кипятком. Поэтому я был должен ему это «спасибо». Глядя на него, я верил, что в этой школе еще осталась крохотная горстка людей с совестью. Разумеется, я не имею в виду таких, как Чжоу Мушэн, чья «совесть» просыпается лишь по праздникам. Совесть — это не та вещь, которую можно выкинуть в грязь, растоптать, а потом поднять, отряхнуть и запихнуть обратно, притворяясь, будто ничего не случилось. Если её однажды смешали с нечистотами, она никогда не станет прежней. Злодей, совершивший один добрый поступок, в моих глазах навсегда останется злодеем.

— Я дал шанс тем, у кого еще теплилась душа. Если они днем не убивали людей и не мучили животных, они были в безопасности. Охота их не касалась. Но увы...

— В этой школе руки каждого, прямо или косвенно, в крови. Кто-то не убивал сам, но с удовольствием наблюдал, как его друзья душат котят или вскрывают им животы. Они стояли рядом, хихикали, а потом лицемерно выдавливали из себя слова сочувствия. И Чжоу Мушэн... Он не трогал учениц, но когда Яньянь лежала под капельницей, он задрал ей юбку и долго смотрел. Он ничего не сделал. Он боролся с собой. Но плевать я хотел на такую «совесть».

Сун Яньтин зло выплюнул проклятие и холодно добавил:

— Тогда я и осознал: в этом месте нет хороших людей. Большинство всегда пожирает меньшинство. Люди по своей природе склонны травить тех, кто на них не похож. В школе, где почти все — гниль, откуда взяться свету? Достойные здесь долго не живут.

Он издал сухой, безрадостный смешок.

— Это место — колыбель порока. И ради Яньнянь, и ради моей собственной извращенной справедливости, я должен был его уничтожить. Карать их их же методами оказалось на редкость приятным занятием. Инсценировав свою смерть, я жил в этом здании и наблюдал, как они сами ведут себя к гибели. Я не хотел убивать лично. Мне нужно было забрать Яньнянь из этой помойки и вернуться к родителям. Я верил, что перед лицом любого закона я останусь лишь жертвой.

— Мне плевать на продажных писак, которые полощут имена пострадавших, скрывая лица преступников. Плевать на соседей-сплетников, которые называли меня недомужиком, маленьким извращенцем, а про сестру болтали, будто она сбежала с хахалем из интернета. Всё, что имело значение, я сделал. Я доволен. Этого достаточно. Я знаю, что будь Яньнянь жива, она бы не хотела для меня такой участи. Она бы хотела, чтобы я жил.

— Чтобы закончил школу, поступил в университет, нашел хорошую работу. Чтобы привел в дом красавицу-невесту, и мы вместе заботились о родителях. А если бы мне стало грустно без неё, я бы просто поминал её добрым словом.

Губы юноши задрожали, он говорил почти шепотом, но его голос был тверд:

— Она хотела, чтобы я жил, и я знаю, что жизнь — это дар. Поэтому я старался вывести её из-под удара. И себя тоже. Но теперь это не важно. Жизнь — это прекрасно, но есть вещи куда важнее.

Серость черно-белого мира начала медленно таять. Краски возвращались, наполняя комнату жизнью. Нин Чжунь прекратил действие Вакуумного времени, но не спешил объявлять финал и не пытался забрать ящик у Чжоу Мушэна.

Сун Яньтин докурил сигарету, поднялся и взял стоящую в углу лопату. Ли Цзяньчуань молча протянул руку, и тот, не поднимая глаз, передал ему вторую.

В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь глухими ударами металла о землю. Номер Пять и Номер Восемь застыли в дверях, глядя на работающих юношей. Чжоу Мушэн лежал у края ямы, содрогаясь в беззвучных рыданиях — то ли от раскаяния, то ли от бессильной злобы.

— Готово, — произнес Сун Яньтин.

Ли Цзяньчуань отложил инструмент. Юноша отбросил лопату в сторону и, опустившись на

колени у разрытой земли, принялся осторожно разгрeбать её руками. Вскоре в яме показались белесые кости.

Рука юноши на мгновение замерла. Спустя секунду он с удвоенной силой, сосредоточенно и бережно, начал доставать останки, складывая их в чернй рюкзак. Он занимался этим долго, а может быть, время просто остановилось для них всех.

Когда последняя косточка была поднята, Сун Яньтин встал, прижал рюкзак к груди и направился к выходу. Ли Цзяньчуань и остальные последовали за ним.

У школьных ворот их ждал учитель Ван Минь. Он с горечью смотрел на юношу, его руки мелко дрожали.

— Я... я никому не причинил зла... — выдавил он.

— Хорошо, — ответил Сун Яньтин. — Открывай. Ты свободен.

Ван Минь пришел в неопиcуемый восторг:

— Ворота... они открыты? Я... я могу идти? Прямо сейчас?!

Почти в безумии он бросился к створкам и потянул их на себя. Тяжелые, наглухо запертые ворота поддались без малейшего усилия. Он на мгновение замер, а затем бросился во тьму, но, сделав всего шаг, с размаху врезался в невидимую преграду.

Тело Ван Миня безжизненно рухнуло у порога, глаза остались широко распахнутыми, застыв в гримасе радости.

— «Не причинил зла»... — Сун Яньтин презрительно хмыкнул. — Когда он лгал полиции, он разве не понимал, что эта ложь убивает Яньянь?

Он мельком взглянул на труп, ставший последним инструментом в его игре, и подошел к самому краю школы. Прежде чем выйти, он обернулся к Ли Цзяньчуаню и Нин Чжуню:

— Я о многом догадываюсь. Всё это смутно, но я уверен — вы не те, за кого себя выдаете. Прежние были куда глупее. Поэтому моё «спасибо» адресовано именно вам.

В его взгляде читалась искренняя признательность:

— Спасибо, что дали мне время. И спасибо за список Чжан Мэнчао. Без вас я бы не нашел сестру. Уже поздно, нам с Яньянь пора домой. Прощайте.

Сун Яньтин слабо улыбнулся и, прижимая к себе рюкзак с останками сестры, шаг за шагом вышел за пределы школы. Мир за воротами тонул в непроглядной мгле, но юноша шел уверенно, словно навстречу новой жизни, пока тьма окончательно не поглотила его силуэт.

За спиной занимался рассвет, первые лучи солнца коснулись стен Фэнчэн. Ли Цзяньчуань отвел взгляд, устало потер лицо и протянул Нин Чжуню Магический ящик, отобранный у Чжоу Мушэна.

Нин Чжунь принял трофей и, потянувшись, легко коснулся губами губ Ли Цзяньчуаня. В следующее мгновение фигуры Ли, Пятого и Восьмой начали таять, рассыпаясь искрами и исчезая из этого мира.

Нин Чжунь остался один у школьных ворот. Вокруг не было ни души. Он казался одиноким узником, навсегда запертым в этом пространстве.

Но это было не так.

Сжимая в руке ящик, он неспешно вернулся в мужское общежитие. Он толкнул дверь комнаты 131 и увидел за столом Сун Яньтина. Тот смотрел на него взглядом, полным отчаяния и непонимания.

— Ты...

— Давай познакомимся заново.

Нин Чжунь с изящным, исполненным аристократического достоинства жестом протянул ему руку:

— Мятежный Наблюдатель Нин Чжунь, номер А-1. Объект наблюдения — злой дух Ли Цзяньчуань. Добро пожаловать в команду.

Ночная охота в старшей школе · КОНЕЦ

<http://bllate.org/book/15871/1503056>